

РЕФЛЕКСИИ НА СЕБЯ И НА ДРУГИХ

Без комментариев (из архива В.С. Мухиной)

**ПИСЬМО В.С. МУХИНОЙ
ОТ ПОЖИЗНЕННО ОСУЖДЕННОГО
АЛЕКСЕЯ Л.**

письмо № 82

9 июня 2017 г.

Здравствуй, мама!

Это я, Алёша. Слава Богу, что Алёша!..

Да, дорогая Валерия Сергеевна, Вы для меня настоящая мама! Спасибо Вам, что позволили мне называть Вас так, и как же это хорошо, что теперь могу всегда называть Вас своей мамой! Раньше – только в мыслях, а вот теперь уже и в письме, и по телефону, и при личной встрече!

У меня словно тяжкий груз упал с плеч! Словно камень с души свалился! Словно крылья выросли за спиной, до того хорошо на душе! Вчера позвонил Вам и сразу же назвал Вас мамой (не заикался даже!), слушал Ваш родной голос, и так было мне хорошо! Словно я и не в тюрьме, а где-то в командировке, далеко-далеко от родных мест, но зато есть телефон, которому расстояние не преграда. Набираю номер Ваш и в ответ слышу: «Сынок!»

Мама! Как же хорошо на душе от этого слова! Наверное, в этом письме я не один миллион раз назову Вас *снова и снова* мамой!

Любому человеку важно знать, что у него есть родные люди. Особенно здесь, в тюрьме, человеку очень важно знать, что где-то на воле есть хотя бы один человек, который переживает и волнуется за него, тогда и срок не срок, и любые испытания можно преодолеть, лишь бы было ради кого!

Много лет я просидел наедине с самим собой, и вот теперь у меня есть переживающая за меня мама! Слава Богу за эту дарованную милость назвать Вас родным человеком! За Вашу *настоящую* материнскую

любовь! Спасибо Вам, мама, что тоже по-настоящему считаете меня своим сыном, что называете Алёшей, что просто верите в меня, в мои силы и способность жить нормальной жизнью и в адекватные реакции на внешние раздражители, – спасибо! Я Вас не подведу.

Люблю тебя, мама! (Простите, что иногда перехожу на «ты», но только в особо личных словах, идущих из глубины души.)

И у меня действительно словно камень с души свалился, стало очень легко! Всё благодаря волшебной возможности называть Вас мамой!

Трудно объяснить это словами. Но Вам многое говорят мои глаза при встречах, голос по телефону...

Сейчас же просто хочется обнять Вас, прижаться к груди, всем сердцем впитывая Вашу материнскую нежность и ласку. Мне больше 40 лет, вроде бы взрослый дядька, но мне просто необходимо Ваше материнское тепло!..

За 20 лет своей тюрьмы я так и не вспомнил, чтобы моя родная мама хоть раз обняла бы меня. Вроде было что-то однажды, какое-то подобие объятий в десятилетнем возрасте, что-то такое смутно возникает в душе, но таких полноценных объятий, как Вы меня обнимаете при встрече, не помню от своей родной мамы. А вот с сестрой Ириной на воле мы точно ни разу не обнимались, и поэтому у неё был просто культурный шок, когда я обнял ее во время свидания!..

А Вы меня всегда обнимаете, и Ваша доброта оказывает на меня куда более положительное влияние, чем ИК-1, в которой буква «и» расшифровывается как «исправительная». Не колония меня исправляет, а исключительно Ваше доброе ко мне отношение, Ваши объятия и Ваша любовь.

Раньше мне казалось, что отныне любая женщина всегда будет знать на подсознательном уровне о моём ужасном преступлении и поэтому рядом со мной будет испытывать не только психологический дискомфорт, но и чисто физическое отвращение как от чего-то мерзкого, липкого и дурно пахнущего. Моё воображение прекрасно иллюстрировало эти мысли.

А Вы мне показали, что это не так. Что я ошибаюсь. Что всё будет хорошо: меня можно и обнять, и за руку взять, и просто даже нормально поговорить со мной! И не испытывать ко мне ненависти. И никакой злобы. Что можно с добром, с теплом души принимать меня, что можно назвать меня «родным»! От всего этого у меня просто-напросто щемит сердце. Спасибо, мама! Своими объятиями Вы избавили меня от многих страхов или, лучше сказать, фобий.

Я с Вами очень откровенен. Знаю, что могу рассказать Вам *абсолютно всё* – и Вы поможете мне советом. Исправите все мои неправильные установки. Заблуждения. И всё остальное прочее. И это самое ценное, что есть у меня в этом мире, – Ваше общение со мной! Спасибо, мама!

Да, меня как всякого любого человека волнует и тревожит много вещей. Начиная от пустяков и заканчивая серьезными проблемами. Пустяк – он и есть пустяк, не стоит даже упоминания. И есть серьезная проблема.

Но сперва надо сказать, что по всем интуициям и внутренним чуйкам складывается довольно-таки стойкое убеждение, что освобождение по УДО мне не грозит. Судьи тоже люди, у всех семьи, дети, внуки у некото-

рых, а тут такой состав преступления к ним однажды поступит с просьбой о свободе. Вряд ли они смогут переступить через свою совесть и отпустить меня из тюрьмы, на законных основаниях (чего уж говорить про незаконные!) отказать мне в УДО. Ладно бы если по пьянке порезал своих собутыльников, это ещё можно как-то простить и отпустить, но моё дело вызовет решительный отказ. Да, я, конечно, могу *ошибаться* в этом своём предположении, но именно такой вот ход моих мыслей определяет мою следующую проблему, о которой я хочу Вам сейчас рассказать (ведь я могу рассказать Вам всё-всё-всё!). Конечно, хотелось бы поговорить с Вами с глазу на глаз, но раз это пока невозможно, напишу сейчас, а потом, быть может, Вы мне при встрече ещё что-нибудь скажете по этому поводу.

Многие из пожизненников погорели на любви к деньгам, другие всё сделали в пьяном угаре. Сам я очень долго искал ответ на вопрос, почему я убил. Нашёл совсем недавно – у святителя Василия Кинешемского в его статье «О страсти». Там он прямо говорит, что выход из того порочного круга, в который меня затянуло со всеми потрохами, только один – убийство. Статья написана много лет назад, но ведь человеческая природа не меняется уже больше двух тысяч лет.

Бог может помочь осознать свою греховность и помочь своей благодатью избавиться от страсти. Моя всё ещё жива. А поскольку, как я предполагаю, УДО мне не светит, она приобретает причудливые формы. И вот здесь кроется проблема.

Вы как-то рассказывали мне про нашего иркутского Алексея... это когда его ещё собака покусала. И он даже лежал в больнице.

У меня тоже есть свои любимые святые места, а раз УДО мне не грозит, то, значит, я никогда не смогу никому их показать, никто не полюбит их и никто не станет счастливым там. Никто не увидит и никто не узнает о том счастье и той радости, которые они могут доставить. Речь, конечно же, идёт об одной-единственной и неповторимой.

В принципе с этим можно смириться. Ну нет так нет, на нет и суда нет. Раньше об этом много думалось. Днём вроде бы работа, дела, некогда, а вечером, когда звучит команда «Отбой!» и дел уже никаких нет, мысли сами уплывали любоваться красотой чужих или придуманных мест. Можно было часа два не спать, уносясь мечтами или воспоминаниями.

Со временем научился бороться с этими бесполезными мыслями: сразу же после отбоя начинал молитвы читать по памяти, после чего благополучно засыпал либо прямо во время молитвы отрубался. Это радовало и радует до сих пор, поскольку давно уже взял за правило молиться в постели. Господь действительно помогает!

Но крепко держит в другом. Газеты, журналы, кино – в них иногда есть фото или кадры разной природы, разные красоты. Именно в этом заключается проблема: никак не могу оторвать своих глаз от созерцания всех представленных мест!.. Словно магнитом тянет. Тяжело оторваться, ведь меня *никогда* не освободят, а тут такая прекрасная возможность увидеть не только верх, но и низ. Поэтому временами бывает очень тяжело.

Ругаю себя последними словами, прошу помощи у Бога, но с каждым новым видом опять не могу справиться. Могу даже всё порвать и выки-

нуть, но при этом не пропускаю ничего нового, ни одного места. Опять выкину – опять жду нового.

Удивительно, конечно: научился нормально засыпать, а вот днём сдаюсь под вражьи натиском. Просто смотрю и всё, больше ничего не делаю. Просто смотрю – наверное, оттого, что никогда живьём не увижу. И ещё я почему-то уверен, что рано или поздно эта проблема исчезнет, растворится, будет побеждена. *Уверен!* Но пока она присутствует в моей жизни. И я понимаю, что это действительно проблема, а не весёлое времяпрепровождение. Конечно же, молюсь и надеюсь на Божью помощь! А теперь вот ещё и на Ваш совет, ведь Вы – мама, а в нормальной семье сын всегда идет за помощью к маме, от которой нет никаких секретов и к которой полное доверие.

У меня к Вам полное доверие, и у меня от Вас нет никаких секретов! Поэтому я решил рассказать Вам об этом. Лишнее? Нет, я так не считаю. Надеюсь, что Вы сможете сказать мне что-то по телефону, – это меня тут слушают несколько человек, а Вы можете говорить свободно, никто не помешает. Надеюсь на Вашу помощь, на Ваш совет! И мне очень нужна беседа с Вами наедине.

«Мама!» – как же мне сейчас приятно произносить это слово!

Вы мне говорили, что нужно учиться жить без Валерии Сергеевны. Да, конечно же, всё понимаю! Надо жить. Но не хочу терять с Вами связь!.. Духовная – она всегда будет крепко-крепко связывать меня с Вами. Верьте, мама, твердо верьте: я не пропаду! От нас ведь чего ждут? Мол, стоит лишь ПЛС-нику оказаться за воротами тюрьмы, как он сразу выпьет бутылку водки, схватит и уволочет в кусты первую попавшуюся женщину, изнасилует её, а после, конечно же, убьет! Это говорят нам открытым текстом.

Нет, это не так. *Не так!* Бог всё видит и знает. И я действительно не пропаду, всё будет хорошо. Буду жить без Валерии Сергеевны – с огромной благодарностью в сердце за то, что Вы вернули мне Алёшу.

Но мне хотелось бы хоть иногда заезжать к Вам в гости с цветами и тортом – на чашку чая и душевный разговор. Хочу звонить Вам хотя бы раз в месяц – радовать Вас своими успехами. Хочу писать Вам письма и делиться самым сокровенным, радостью и теплом.

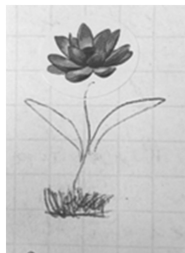
Жить *полностью* без Валерии Сергеевны не смогу. Мне *нужно* общение с Вами, дорогая мама!

И у меня к Вам просьба. Личная. Сынóвья. Пожалуйста, *запишите мне на диск свое видеописьмо ко мне* – вот, прямо сразу, без подготовки озвучиваю ее. Как Алексей Вельгунов (или всё же Вельгунов?) говорил в камеру для меня и потом Вы привезли мне этот диск. Мне бы очень хотелось видеть Ваши живые глаза и слушать Ваше материнское тепло в словах. Мне кажется, что Леонид запросто сможет помочь с этой записью, а здесь, в камере, мне никто не мешает слышать Вас, ведь у меня есть наушники, которые отключают звук от телевизора и передают его сразу в уши, а само изображение могу просмотреть в одиночестве, когда Андрей уйдёт звонить, это целых 30 минут! Этот диск был бы всегда со мной, никто его больше не увидит и не услышит, только я один.

Но я ничего *не требую* от Вас, это всего лишь просьба.

Очень был рад встрече с Вами, мама! Очень! Благодарю Вас за материальную помощь, денежные средства уже поступили на мой лицевой счёт, а мне принесли бумажку-уведомление, что они от Леонида Проценко, но я-то знаю, что это не Леонид, а Вы, дорогая мама, помогли мне, спасибо Вам, большое спасибо за эту помощь! Благодаря Вам есть возможность покупать в колониальском магазине мыло, зубную пасту, стиральный порошок, ручки, тетради, чай, конфеты и даже пирожки, которые пекут в нашей пекарне, вкусные очень, прямо как домашние.

Большой привет Алексею, который, наверное, уже прилетел в Москву после сдачи сессии. Ему грозит армия – прошу Бога устроить всё наилучшим для него образом. *Буду рад Вашей совместной с ним фотографии!* Конечно же, сейчас нужно помогать ему. Пусть всё у него будет хорошо, пусть станет достойным человеком! Ну а я, повторюсь, не пропаду, у меня тоже всё будет хорошо, и Вы, мама, обязательно порадуетесь потом за меня. Не пропаду, потому что Вы снова вернули мне себя, то есть Алёшу. Не пропаду!!!

Вот такое получилось письмо. К маме! К Вам! Я очень рад нашим очень тёплым взаимоотношениям. Цветочек вот для Вас! Спасибо Вам за одуванчики, они меня очень порадовали! Такие вещи откладываются в памяти навечно.

Люблю тебя, мама! Нежно обнимаю и желаю всего самого хорошего! Молю Бога о здравии, пусть Господь поможет осуществить нашу мечту о Троице-Сергиевой Лавре! Храни Вас Бог! До скорого свидания!

С любовью – Алёша, сын